

Записки
к предыстории Мировой Войны
1914–1918 гг.
Д. А. Шемякин

Сборник оригинальных публикаций Д. А. Шемякина

С точки зрения политики Россия вступила в войну в странном для себя положении «привлечённой звезды». Вытряхнули из мешка на корпоративе.

Убийство эрц-герцога Фердинанда не могло служить поводом для начала войны, поводом для начала войны на Востоке Европы было шоу, устроенное всеми сторонами: Австро-Венгрией, Германией, Сербией и Россией.

Наследника австро-венгерского престола убили на территории Австро – Венгрии, убийцами были боснийцы — подданные Австро – Венгрии, и «сербский след» был обнаружен значительно позднее начала самой войны. Т.е. убили австрийского наследника на его наследуемой территории, его же потенциальные подданные.

Вслед за убийством Фердинанда начался спектакль. Европа жила тогда традициями предварительных объявлений войн, причём требовалось подробно объяснить не только коварные замыслы врага, но и подчеркнуть все свои действия по предотвращению войны, определить в самом благородном свете свои цели и методы. Очень это было всё хлопотно.

Вдобавок ко всему, все участницы будущей войны не хотели её в 1914, а хотели в 1915. Не всё в порядке было в союзнических лагерях, что у Антанты, что в Тройственном Союзе. В каждом лагере был потенциальный предатель, который мог соскочить в любой момент, а то и переметнуться на другую сторону. Наконец, нужно было время для вербовки малозначительных в мирное время, но важных в военное время «второстепенных участников». И наконец, самый главный вопрос — вопрос о многомиллионной мобилизации армий требовал значительного времени. А тут лето в зените, пока то, пока сё... А там осень — зима. Не хорошее время для войны.

Июльский кризис начался не в Сараево, а в Вене. Убийство Фердинанда расстроило далеко не всех, венгров оно просто обрадовало, но общая атмосфера в Австрии была далека от благостной. На арену вышла армия.

С 1815 года мир был естественным каркасом европейской жизни, с 1815 года не было ни одной европейской войны с участием всех крупных европейских государств. С 1871 года ни одна европейская армия не открывала огонь по другой

европейской армии. Конечно, мы не учитываем балканские страны с их полувосточным положением.

Война для европейца к 1914 году была делом историческим, почти несерьёзным, немного романтическим и даже красивым. Служба в призывной армии была процессом инициации, в США и Англии призывной армии вообще не существовало. Для офицеров армия была местом работы, при отсутствии врага работа была невесёлой, рутинной и не особо перспективной в карьерном росте и денежном плане. В основном, армии использовались на колониальных перифериях, в войнах в которых риски были скорее медицинского характера, нежели военного. В американо – испанскую войну 1898 года из 274000 американских солдат 379 человек было убито, 1600 ранено и 5000 погибло от тропических болезней. Франция теряла в среднем по 8 офицеров в год в своих колониальных операциях (не считая Тонкина, где было потеряно половина из 300 офицеров, погибших в период с 1871 по 1903 гг. Наиболее серьёзные потери понесла Британия в англо – бурскую войну — отправив в Южную Африку 450000 человек за три года англичане потеряли 29000 убитыми и 16000 померших от болезней.

При всём этом труд солдата и офицера был более безопасен, чем труд торгового моряка или шахтёра, или рабочего сталелитейного завода. За три года, предшествующих войне, в Англии каждый год погибало примерно 1430 шахтёров, а 165000 получали увечья разной степени тяжести. Это 10 процентов рабочей силы горнорудной промышленности империи.

Жизнь солдата и офицера европейской армии была спокойна и несколько скучна. А тут такое! Убили наследника! Это же очень перспективно для армии!

Говоря в целом, убийство Фердинанда не тянуло на повод для мировой войны никак.

Убийство осложнило дипломатические отношения, но эти осложнения не делали войну автоматически неизбежной в 1914 году. Противоречия Германии и Франции за Эльзас и Лотарингию (а эти области стоили полномасштабной войны) абсолютно не волновали не только союзников Франции (Англию и Россию), но были совершенно безразличны для Австрии. Борьба Австрии и России за влияние на Балканах не тревожили политиков Германии, не говоря уже про Альбион. У Франции не было вообще претензий к Австрии, а у России претензии к Германии носили совершенно экономический и регулируемый характер.

То, что война будет и будет мировой решила, возможно того и не желая Англия.

Когда накануне 1914 года (в период с 1903 по 1907) Британия решила присоединиться с оговорками к антигерманскому пакту, это решительно радостно взбудоражила и Францию, и Россию. Одна из причин подъёма антигерманской риторики в Париже и Санкт-Петербурге — это то, что одна только Британия к 1914 году обеспечивала 44 процента мировых капиталовложений. А Франция, Германия, США, Бельгия, Голландия, Швейцария и пр., натужась, выдавали сообща оставшиеся 55 процентов мировых капвложений. От 50 до 25 процентов экспорта всех стран Латинской Америки, Азии и Африки поступали в одну Великобританию, на все страны Европы (вместе взятые) приходилось 30 процентов. Операции на биржах Сити только за счёт стоимости торговых и финансовых услуг давали 142 млн. фунтов стерлингов в год, что покрывало торговый дефицит Британии практически полностью. Фунт был мировой валютой. И некоторый упадок британской промышленности (в сранении с темпами Германии и США), внимание, только усиливал финансовые позиции и общее благосостояние Британии. Механизм был простой: бешенно развивающие свои промышленности станы покупали всё больше и больше профилирующих товаров в странах колониального и полуколониального типа (подконтрольных, по большей части, Британской империи), транспортировка этих товаров из колониальной сферы к центрам производства осуществлялась по большей части британским торговым флотом, который на 12 процентов превосходил тоннаж флотов всех европейских стран, при подавляющем господстве на океанских просторах флота Его Величества. Флотские риски страховались на 78 процентов в Лондоне. Интенсивное потребление ресурсов из стран-доноров увеличивало «зависимость» быстро растущих экономик, германской, в первую очередь, от «зависимого мира», зависимого от Британии. А Британия в одиночку (я это подчеркну) восстанавливала мировой торговый баланс через увеличение импорта из стран-соперников в свои «зависимые миры», т.е. де факто к себе импортируя, при этом избегая тарифных осложнений и наживаясь на фрахте.

Колебательное согласие Великобритании громить Германию — вот это был самый главный повод для начала мировой войны (которую привычно называют Первой Мировой, с чем я соглашусь вряд ли).

Сам император Франц – Иосиф войны не хотел. К наследнику тёплых чувств не испытывал, понимал, во что всё это безобразие на Балканах может вылиться для его страны. И император делал очень многое, чтобы обуздать «военную партию», которая хотела тут же начать стирать Сербию в порошок.

Его главным оппонентом был министр двора и общеимперский министр иностранных дел Леопольд фон Бертхольд. Его главная цель была не столько начать войну Австрии и Сербии, сколько привлечь на свою сторону не до конца уверенную в необходимости войны Германию. План Бертхольда был удачно составлен: разбить Сербию в такие короткие сроки, чтобы Россия не успела даже сдвинуться, парализованная мирными инициативами Германии, а когда дело будет сделано, то оставалось совсем немного: режим Николая II мог бы не выдержать «политическую Цусиму» на Балканах, Германия могла бы резко изменить свой тон в отношении ослабленного политического режима России, без российского фактора Франция, скованная возможным отпадением от союза России, меняет вынужденно свою агрессивную политику. Германия диктует условия Франции, которые Францию (без России и при колеблющемся Альбионе) может и принять.

Собственно, план Бертхольда был прекрасен во всём. В случае успеха его реализации, мировая война отодвинулась бы на некоторый срок, единственной жертвой была бы Сербия и государь Николай Александрович, которого бы, скорее всего, родственники затравили до вероятного отречения.

Но подвела очевидная неготовность австрийской армии к немедленному удару по Белграду. Да и Германия заявила, что для неё первоочередной задачей является вопрос с Францией и Берлину не до балканских мелочей. В Берлине вообще сараевские события не произвели никакого серьёзного впечатления. Во Франции — тоже. Англия всё тянула. И внезапно Россия оказалась перед чудесной перспективой — начинать войну с Австрией в одиночку. Из-за Сербии.

Император Франц – Иосиф обращается, предчувствуя такое развитие событий, в Берлин к кайзеру с письмом от 5 июля, в котором чёрным по белому сказано: вина Сербии доказана быть не может в сараевском случае, но по существу нельзя сомневаться в том, что политика сербского правительства оче-

видно враждебна как Австрии, так и Германии и мешает вовлечению в союз Турции и Болгарии. Письмо Франца – Иосифа натолкнуло кайзера на идею разделения войны. Быстрый разгром Сербии, присоединение к Тройственному союзу всякой полезной мелочи: Румынии, Болгарии, Турции — как итог перевод вектора российской обороны на юго – западное направление (при условии, что Одесский военный округ, противостоящий по планам генштаба румынскому вторжению, будет не способен угрожать южному флангу австро-венгров, а Болгария сделает невозможной реализацию планов русского десанта на турецкое побережье).

Вильгельм пишет на донесении своего посла в Вене фон Чиршки: «Теперь или никогда».

Франция только обещает России какую-то военную помощь в случае сербско – русско – австрийской войны, Альбион молчит. Русскому командованию в эти дни очень трудно понять, что вообще происходит. Где тут наше «Сердечное согласие»? Русской разведке становится известно, что Вильгельм дал ответ австрийскому послу графу Сегени начинать войну с Сербией немедленно и обещал, что Германия «с обычной своей союзнической верностью поддержит Австро – Венгрию!» Ни слова про вторжение во Францию!

И русская военная и внешнеполитическая элита, включая государя нашего обожаемого, начала паниковать.

Австрийский ультиматум Сербии. У нас его характеризуют как страшный и унижительный, просто кошмарный и развязный гоп-окрик.

Ультиматум австрийцы написали довольно быстро, но вот одобрить его никак не могли. Венгерские аристократы в политике вообще не хотели слышать ни про какую войну. Во главе антивоенного выступления встал премьер – министр Венгрии граф Тиса. На Коронном Совете Тиса открыто высказался против войны и против захвата сербских территорий. После давления со стороны императора вроде как согласился с небольшой такой войной и был привлечён к составлению этого самого ультиматума. Естественно, что антивоенные венгры тормозили утверждение ультиматума и смягчали его до предела. Из Берлина стали раздаваться недоумённые крики, мол, вы чего там?! Так всё удачно складывается. Из Петербурга только что отплыли президент Французской Республики Пуакаре, премьер – министр и министр иностранных дел Вивиани, связи с Петербургом у них пока нет. Договорённости, как Франция сможет помочь России на Балканах тоже нет! Мы на Николая давим, Николай мечется! Чего вы, австрийцы ждёте?! Бейте!

И вот 23 июля 1914 года посланник Австро – Венгрии барон Гизль вручил сербскому правительству ультиматум. Так получилось, что в Белграде не оказалось никого из великих сербских политиков. Такая вот дивная случайность. Старенький король Петр I был не у дел, парламент распущен, премьер Сербии Пашич был в поездке, министры в отпусках (война же на носу!), руководители сербской армии отдыхали тоже. Где отдыхали? Сербский генералитет отдыхал в Австрии, в стране, которая уже явно готовится к вторжению в их страну. Сербская армия не была мобилизована даже на уровне полка, а была отправлена на полевые работы. Ультиматум по сербской привычке встретили по-разному. Чиновники, например, начали спешную эвакуацию из столицы. Успели ухватить за фалды вице-премьера — надо же кому-то ультиматум вручать. Вице-премьер стал собирать по дачам правительство, принц – регент Александр написал два письма — первое дяде своему — союзнику Германии и Австро – Венгрии — королю Италии, второе письмо решил всё ж написать русскому царю.

При таком положении сербских дел стало очевидно, что страшный ультиматум будет сербами принят. Если бы Сербия приняла ультиматум Австрии, а к этому всё и шло, то Россия теряла Балканы насовсем. В 1878 году мы отдали Австрии Боснию и Герцеговину за невмешательство в русско – турецкую войну, Австрия стала обладательницей 5 млн. славянского населения, Болгария доходила до полного разрыва дипломатических отношений с Россией и демонстрировала свою подчёркнутую лояльность Берлину, оставалась у России только Сербия и оперетта под названием Черногория. Если Сербия приняла бы австрийские условия (в любой их трактовке), то на 150-летнем присутствии России на Балканах можно было бы ставить крест, забыть про вожаемые проливы и пр. На всю идеологию сверхдержавы можно было бы махнуть рукой.

Авторитет сверхдержавной России стал спасать министр иностранных дел империи Сазонов, который как и его недавний шеф П. П. Столыпин, сам бы отчаянным германофилом.

Что могла сделать Россия, сохраняя своё лицо, при неясной позиции союзников и странной позиции Сербии? Союзники не радовали: британский министр иностранных дел Грей сказал прямо: «Правительство Его Величества не хочет обсуждать тему, кто прав: Австрия или Сербия». Франция вела себя приличнее, но тоже ничем серьёзным помочь России тогда не могла, а напротив, рассчитывала на русскую помощь.

Что было делать министру Сазонову? Читать австрийский ультиматум и максимально тянуть время.

Ультиматум.

Волосы дыбом!

Австрия в начале ультиматума перечисляла все проступки сербского правительства (отдыхавшего в это время, по большей части, в Австрии). Главными проступками были «попустительство террористам и прочим антиавстрийским элементам». Белград безосновательно (на тот момент) обвиняли в причастности к сараевским убийствам.

Далее шли требования:

- Торжественно и публично осудить сербским правительством всякой агитации против Австро – Венгрии.
- В приказе по сербской армии король Сербии должен был также осудить антиавстрийские выпады среди сербского генералитета и офицерства.
- Австрия требовала ужесточить контроль над сербскими СМИ со стороны сербского правительства для снижения накала антиавстрийской пропаганды, ведущей к войне.
- Австрия требовала закрыть враждебные Австрии общественные организации в Сербии.
- Был представлен список сербских офицеров и чиновников, замешанных в антиавстрийской деятельности. Австрия требовала увольнения этих господ с государственной службы.
- Австрия требовала строгого наказания всех лиц с сербской стороны, замешанных в сараевских событиях.

Сербия приняла все условия австрийского ультиматума.

Кроме одного (п.5 – 6): Сербь отказались допустить на свою территорию австрийскую следственную группу для расследования сараевских событий.

Ещё раз перечитайте условия ультиматума, принятые сербами и перечитайте условие, сербами яростно отвергнутое. Взвесьте на весах здравого смысла. Обычно ведь пишут, что сербы восстали против страшного покушения на собственный суверенитет! Что сербов возмутило то, что Австрия диктует им условия внутренней политики и кадрового резерва. А на деле, все эти страшные условия по увольнению офицеров,

закрытию газет, приказам по армии, указания королю Сербии, что и как говорить и пр. сербы приняли. А вот австрийскую полицию копать заговор против Фердинанда не захотели принять! Обычную следственную группу. Для меня это очень показательно. На любой позор были согласны, только не копайте у нас, кто отдавал приказ о терроре. Вильгельм, которому переслали ответ сербского правительства написал на докладе: «Блестящий результат за 48 часов! Он превзошёл все ожидания. Отпадают основания для войны». И даже попросил Вену использовать открывшуюся принятыми условиями ультиматума возможность для невоенного решения.

Сербы прекрасно знали своё состояние после своих двух недавних войн, не питали иллюзий по отношению к мощи российской армии, совершенно ненавидели болгар, т.е. шансы свои оценивали трезво. Но по формальному признаку ультиматум был ими отвергнут. 25 июля 1914 года австрийская миссия выехала из Белграда. 28 июля Австро – Венгрия объявила войну Сербии.

И ничего страшного пока не произошло. Очередная бочка пороха рванула на Балканах.

Но тут уже в ход пошли тяжёлые фигуры Германской и Российской империй. Россия объявила частичную мобилизацию военных округов, Киевского, Одесского, Московского и Казанского, нацеленных на Австро – Венгрию.

Сазонов кинулся к англичанам и французам. Сазонов умолял британцев опубликовать заявление образца 1911 года, что Англия подкрепит своих союзников. Он надеялся, что это может остановить хоть на время Берлин. Что из этого получилось?

Французский президент и министр иностранных дел всё ещё неторопливо плыли в бель Франс и находились в зоне обслуживания сети. Заменяющий премьера Франции министр заявил, что Франция «не собирается драматизировать события». Министр иностранных дел Грей порадовал нас мудрой мыслью, что всё это «давний конфликт тевтонов и славян», не имеющий значения для всей Европы. Посол Его Величества Бьюкенен просто улыбнулся и сообщил, что «Англия из-за Сербии воевать не будет».

Отличное начало для войны, правда? А?! Сторонники верности союзническому долгу, как вам всё это? Россию швырнули как Ларису Огудалову на «Ласточке», а обещали в Париж. И это ещё и война не началась!

24 июля кайзер Германии сообщил Англии и Франции, что

«ссора Австрии с Сербией» может быть покончена лишь усилиями этих двух стран, их конфликт должен быть локализован, ибо всякое вмешательство третьей державы (России) должно вызвать «по естественной игре союзов» неисчислимы последствия. Англия и Франция согласно кивнули германскому гению.

Россия, имея на руках развязного сироту — Сербию, оказалась чуть ли не зачинщицей мирового пожара, какой-то заполошной деревенской дурой, забежавшей в благородное собрание. И такие любезные ранее союзники стали вдруг настолько джентельменами, что согласились проводить Россию — матушку на стылую улицу, где её уже поджидали при свете фонаря дядя — Вильгельм и дедушка Франц, согласные уже на частичное удовлетворение своих потребностей, одним восток, т.е. нами. Начальник Главного Штаба германской армии Мольтке — младший произнёс: «Мы готовы и теперь, чем скорее, тем лучше для нас». Создалась ситуация, когда великий план Шлиффена можно было откорректировать, ликвидировав сначала восточную угрозу рейху при попустительстве западных российских союзников.

Все колебания Николая Александровича, за которые ему так доставалось и от современников, и от исследований, все эти жалкие телеграммы кузену Вилли, метания по кабинету — не только от известного безволия самодержца. Рушилась система европейского присутствия России. Повторялся кошмар его прадеда, Николая Павловича. Россия запуталась в доверии и обманах. Всё что строилось: валютная система, индустриализация, программа военного обновления — всё оказывалось бессмысленным.

Спас (хотя «спас» — это не очень подходящий термин) ситуацию для России, уже стоящей перед войной в одиночку в Австрией, тем более опасной, что готовились мы, прежде всего, к войне с Германией, сам кайзер Вильгельм. Особым ходом своей мысли (а мысли у кайзера были причудливы как совместные постановки Линча и фон Триера по сценарию Тарантино), кайзер испугался, что Россия (у которой разум был, по мнению кайзера), не будет защищать сербов-цареубийц (подчеркну — цареубийц, причём рецидивных), что Франция будет удерживать Россию от войны с Австрией, а Англия останется нейтральной! И что тогда?! Чем заняться рейху? Для чего было столько стараний? Жертв? И химизации? Вроде как, всю конструкцию построил, всех гостей на кровавый ужин позвал, а теперь его, кайзера, отправят крутить шашлыки за

сарай?! Не порядок...

28 июля министр Сазонов принял германского посла графа Фридриха фон Пурталеса, на которой Пурталес сказал: «Теперь уже поздно».

Дальше начнётся германская радиоигра с императором Николаем. 28 июля Вильгельм телеграфирует Николаю, что обещает воздействовать на Вену ради «нашей дружбы...» Следующая телеграмма от того же 28 июля: Вильгельма грубо советует Николаю не впутывать в свои дела Германию и обращаться непосредственно к императору Австро – Венгрии. Все эти телеграммы (воскрешающие метод О.Бендера) пришли на скромную просьбу нашего самодержца – мыслителя «как-то повлиять на Вену и не дать зайти ей слишком далеко». Дезориентация Николая шла полным ходом. Не знаю, ржали ли немецкие телеграфисты, отбивая послания Вильгельма брату Коле.

Николай хватается за последнюю соломинку: предлагает передать спор между Австрией и Сербией в Гаагский трибунал или Третейский суд. Хохотала уже вся Европа, а не только немецкие телеграфисты.

29 июля, пока в Европе ещё хохотали, начальник Главного Штаба российской армии генерал Янушкевич объяснял полковнику Н. А. Романову азы мобилизационных процессов. Частичная мобилизация забьет русские железные дороги и сорвет возможную общую мобилизацию. От западных союзников многозначительная тишина. Царь колеблется. Ему не очень хочется воевать в одиночку, но и стать неподготовленной жертвой агрессии тоже страшно. Никогда ещё перед Николаем Александровичем не стояло такое сложное управленческое решение, на которое его, собственно, уполномочил бог и народ. Узнав, что Австрия мобилизуется поностью, царь утвердил указ о всеобщей мобилизации в России.

За несколько минут до передачи указа по военным округам, царь отменяет своё решение. Ещё бы, ведь он получил новую телеграмму от кайзера, в которой Вилли говорит о старой дружбе. Поэтому Никки отменяет всеобщую мобилизацию, но продолжает мобилизацию войск, направленных против Австрии.

Ночью в Петербург приходит паническая телеграмма русского посла в Берлине Свербеева: Германия объявила всеобщую мобилизацию, Германия начала общую мобилизацию. Германия готова напасть на Россию. От союзников России — тишина.

Утром 30 июля на квартиру к Янушкевичу прибыл военный министр Сухомлинов, по телефону вызвали Сазонова. Встреча происходила в неофициальной обстановке. Составили план: Сазонов скачет в Петергоф, уговаривать Николая. В случае успеха уговоров Сазонов звонит Янушкевичу. Янушкевич отбивает телеграммы на главном телеграфе, потом ломает свой телефон и прячется, пока царь снова не передумал.

Позвонили царю — царь в Петергофе отдыхает, телефон в петергофском дворце только в комнате камердинера, под лестницей. Царь спускается в комнату камердинера, под лестницу. Янушкевич умолил царя принять Сазонова. Царь назначает министру Сазонову встречу на 15 часов. А дальше уже Россия. Министр приезжает к абсолютному монарху в минуту наивысшего напряжения сил и опасностей для империи с 10 минутным опозданием. Говорит около часа. Царь возражает. Потом взволнованно говорит: «Сергей Дмитриевич, пойдите и телефонируйте начальнику Главного штаба (это в комнату, значит, камердинера иди), что я приказываю провести общую мобилизацию». Сам решил не ходить больше в камердинерскую, помазанник.

Всё.

Дальше была уже пустая беготня Пурталеса к царю, телеграммы царя в Вену, ультиматум Германии России. С опозданием в один час против запланированного (планировали на 18, случилось в 19 часов) 1 августа 1914 года Германская империя объявила войну России. Союзники России безмолвствовали.

3 августа немецкие войска вторглись в Бельгию. В это же день Германия объявила войну Франции. 4 августа Британская империя объявила войну Германии.

Осталось только понять экономическую подоплёку участия в этой каше России? Уточнить цену вопроса, так сказать.

Русско – германские экономические противоречия накануне Первой Мировой.

Трудно писать об этом, но русско – германские экономические противоречия накануне первой мировой войны были, как бы сказать, странноватыми.

Понятно, что Германия с конца 19 века активно вторгается в международную торговлю, обеспечив себе практически неисчерпаемые железно – рудные и угольные запасы Эльзаса и Лотарингии, стартовый капитал в пять миллиардов франков контрибуции и высочайший уровень культуры производства. Как и полагается стране «форсированного» развития Германия сделала ставку на создание и развитие базовых отраслей тяжёлой (очасти это значит и военной) промышленности. Высокие технологии, энерговооруженность, металлургия, машиностроение, железнодорожное строительство, угледобыча, химия и т.п. выводят страну на передовые позиции.

К 1910 году удельный вес промышленности в Германии составил 37,9 процентов национального хозяйственного потенциала, 35 процентов составлял удельный вес сельского хозяйства интенсивного типа. С 1870 по 1913 гг. суммарный объём промышленной продукции Германии вырос на 471 (четыре-ста семьдесят один) процент. В Англии этот показатель составил 27 процентов, во Франции - 203 процента.

Вершина, достигнутая кайзеровской Германией — это первое место в Европе и второе место в мире по объёму промышленного производства. Германская империя давала мировой объём промышленного производства в размере 16,5 процентов.

Сельское хозяйство рейха обеспечило рост урожайности ржи с 1870 по 1913 гг. в 2 с половиной раза. Только в Восточной Пруссии посевные площади только зерновых расширились на 36 процентов.

Кенигсберг вытеснил с рынка перевозок на Балтике западные порты России, в первую очередь, Либаву.

Вывоз германского капитала в страны, в которых был заинтересован германский капитал увеличился за 13 лет (с 1900 по 1913 гг.) с 12,5 до 44 млрд. марок.

Есть мнение, что Россия бешено зависела от французского и бельгийского капиталов, от займов и т.п. Не отрицая ниче-

го, отмечаю, что 20 процентов инвестиций в русское народное хозяйство (т.е. капиталы, вложенные в производящие отрасли России) были германские.

К началу 20 века Германия имела 12,6 процентов мирового товарооборота. На долю российской империи приходилось 4,2 процента мирового экспорта и 3,5 мирового импорта.

Рынок России был одним из самых важнейших потребителей германского промышленного оборудования. Россия переживала тогда индустриализацию, германская промышленность обеспечивала ускорение этой индустриализации.

Вот на этом некая идиллия заканчивается. Дальше начинается хардкор как он есть.

Германия своим рывком нарушила довольно устойчивое торговое равновесие Европы. И речь идёт не столько о товаро-производстве, сколько о тарифных новациях молодой империи.

С середины 19 века торговые соглашения строились в Европе на условии двухсторонних компромиссов, причём преимуществ, оказанные третьему государству распространялись на договаривающиеся стороны «немедленно и безвозмездно».

Это была эра господства фритрейдерства. До 80х годов 19 века Россия руководствовалась в отношениях с Западной и Центральной Европой т.н. автономным тарифом, базирующимся на равенстве условий: единая пошлина на импортируемые товары.

Для России с её «хлебной иглой», на которой она прочно сидела столетиями, настоящая война в экономике началась с введения Германией аграрно – протекционистских мер. Германия начала впервые в новейшей истории практику искусственного устранения конкурентов с аграрного рынка. Лозунгом аграрного немецкого протекционизма была защита национального сельхозпроизводства. Целью же была не столько защита национальных интересов, а наступление, подчинение и подавление экономики слабейших соседей – конкурентов.

Когда Германия начала свою тарифную политику, конечно, она усилила экономическую напряженность на континенте. Протекционистские меры были введены, вслед за Германией, во Франции, Италии, России. В активное движение пришли страны, которые ранее не рассматривались как самостоятельные активные игроки на европейском рынке. Эти «нейтральные страны» стали активно использовать плоды от фиктивного импорта – экспорта продукции экономически воюющих стран.

Что получила Россия от германских тарифных новаций? В системе русского экспорта 94,4 процента составляли продукты сельского хозяйства, промышленные изделия составляли — 3,5 процента, полуфабрикаты — 2,1 процента. На хлебный экспорт России уже давили США, Мексика, Аргентина, подключалась Канада. Всё это заокеанское зерно стало поступать на европейские рынки, составляя конкуренцию русскому хлебу. И тут, в разгар заокеанской зерновой экспансии, Гер-

мания, которая являлась крупнейшим клиентом российского аграрного сектора (50 процентов зернового импорта Германии составляло русское зерно, соответственно Германия потребляла 30 процентов русского хлебного экспорта), начинает строго адресованную против России тарифную войну. Войну, в которой нам было очень трудно выстоять и потому, что треть приходной части бюджета Российской империи приходилась на поступления от сельхозвывоза, и потому, что нам было мало что противопоставить германскому вызову с альтернативой технологических закупок.

Напомню, что все германские игры с тарифами начались при Бисмарке, который, как уверены многие, был активным сторонником союза с Россией и чуть ли не заклинал от конфликта с нами.

В чём выражалась германская стратегия выноса России с европейского рынка?

1. Немцы ставили во главу угла свои сугубо практические цели — создание самодавяющей экономики, способной существовать в автономном режиме в случае экстраординарных обстоятельств достаточно долгое время. Помимо развития промышленности, скачками стало двигаться вперёд германское сельское хозяйство. С-х Германии развивалось как за счёт экстенсивного расширения площадей, так и за счёт интенсивной рационализации аграрного сектора.
2. С-х Германии стало переориентироваться на внешний рынок, вытеснение с внутреннего рынка импорта и наступление на экономики потенциальных противников. В 1879 году Германия впервые искусственно начала регулировать свой импорт, обложив ввоз иностранного зерна и прочих сельхозпродуктов таможенной пошлиной в 1 марку за 100 кг. Одновременно с этим Германия начала выкупать частные железные дороги у их хозяев в госсобственность. Целей у этой национализации было множество, одна из главнейших — возможность диктовать тарифы перевозок без согласования с кем бы то ни было.
3. Проценты от таможенных сборов шли немецким сельхозпроизводителям для поощрения производства.
4. Для производителей и экспортных фирм правительство Германии ввело «вывозные премии».

Т.е. этап номер один. Повышаем пошлины на иностранное зерно, увеличиваем производство собственного, вывозим, пользуясь обстоятельствами, своё зерно на продажу (пока осталь-

ные не успели ввести у себя такой же протекционистский парадиз), средства вкладываем в дальнейшее удешевление собственной продукции аграрного сектора. Россия, как основной поставщик зерна на германский рынок, платит повышенные пошлины, деваться им, русским некуда, теряет в доходной части бюджета и впадает в определенную зависимость от экономических решений берлинского кабинета. Русские не вводят протекционистские пошлины на германский ввоз машиностроительной продукции за неимением альтернативы. У русских индустриализация, им машины, станки, оптика и пр. очень нужны, а за свой хлеб они будут просто меньше получать, вкладываясь косвенно в развитие германского сельхозпроизводства.

В конце 70х у России положение было практически безвыходное. Хлеб надо было вывозить любой ценой, бюджет трещал. Но Петербург ответил Берлину началом взимания торговых пошлин в золотой валюте. Таможенные сборы (а ввозили к нам необходимые промышленные товары, в которых российская экономика нуждалась сильно) возросли с 25 процентов до 48 процентов. Естественно, что благоприятно на темпы индустриализации России это сказаться не могло, тем более, что позже России пришлось увеличивать пошлины сначала на 10 процентов, потом на 20 процентов по 108 статьям, потом ещё на 20 процентов по тем же статьям.

И тут уже начинается этап номер два.

1. В 1885 году германские пошлины на ввозимое зерно были повышены в три раза. А через два года — в пять раз. Россия ответила знаменитым покровительственным тарифом 1891 года. Общая сумма таможенных повышений на весь импорт возросла с 14,7 процентов в 1877 до 32,7 процентов к 1892 году. К началу 90х годов Российская империя уже могла себе позволить выпуск «негерманской» промышленной продукции, опираясь на свои силы и силы негерманского капитала. Хотя, повторю, 20 процентов инвестиций в русскую экономику были все же немецкими.

Одним из наиболее ярких авторов протекционистского тарифа 1891 года был Д. И. Менделеев. Кто из нас не зачитывался его фундаментальным трудом «Тарифный сбор или исследование о развитии промышленности в России в связи с её общим таможенным тарифом 1891 г.»? С помощью цитат из этого труда было разбито немало девичьих сердец.

В своих «Заветных мыслях» Дмитрий Иванович записал забываемое: «Существование государства, особенно его сила и движение верёд, при условии значительных размеров страны и её населённости, немыслимы в обычных условиях без внутренней обеспеченности в производстве необходимейших товаров, не только потому, что в первой войне это скажется с великою силою, но и потому, что недостаточное развитие внутреннего производства необходимейших товаров...отнимает от жителей много условий возможности правильного роста богатства народного и ставит страну в тяжёлую зависимость от поставщиков этих необходимых товаров». Что здесь сказать? Стил, близкий к Сумарокову и Хераскову, а содержание отчаянное. Россия — есть осаждённый лагерь, будем делать в этом лагере всё сами, чтобы было чем от неприятеля отбиться. И это не какая-то издевка с моей стороны. Автаркия как способ существования (пусть автаркия и в сглаженной форме) — это путь очень жёсткой индустриализации, я бы сказал, жесточайшей по отношению и к материальным ресурсам страны, и к её обитателям с их нематериальными устремлениями. Наша страна стала заложником собственного могущества и даже величия, имеющего в экономическом фундаменте комплекс: основательное, но дико отсталое сельское хозяйство, отсутствие подоходного налога и, следовательно, массу налогов косвенных, огромный военный бюджет и потребность в ускоренном промышленном развитии в недружелюбном окружении. Добавим к этому нерешённый аграрный вопрос и социальную напряжённость как в деревне, так и в индустриализирующихся центрах. Эксперимент величайшей сложности разворачивался, тяжело лавируя между войнами, революциями и архаикой псевдо – дворянского управления.

Менделеева привлекли к разработке таможенного тарифа почти случайно (это особенность наша неизбывная, её обсуждать не будем: в Сбербанк набирают методом перебора близких знакомых, в Ашан поманивают пахлавой и накрывают таджиков сеткой, Менделеев просто зашёл в гости). «В сентябре 1889 года заехал по-товарищески к И. А. Вышнеградскому, тогда министру финансов, чтобы поговорить по нефтяным делам (Дмитрий Иванович умел глядеть в будущее, согласитесь: заехал по-товарищески к министру финансов поговорить просто о нефтяных делах...Сколько бы сейчас людей согласилось оказаться на месте Дмитрия Ивановича, чтобы по-товарищески так, по простому, заехать да и погово-

рить про нефтяные дела хоть бы и к министру финансов)...И он предложил мне заняться таможенным тарифом по химическим продуктам и сделал меня членом совета торговли и мануфактур...» — писал впоследствии предприимчивый учёный и общественный деятель. Читаем далее: «Живо я принялся за дело, овладел им и напечатал этот доклад (доклад о таможенных сборах, не имеющий прямого отношения ни к мануфактурам, ни к химии) к рождеству...» Дальше Менделеев несколько скромничает: «Этим докладом определилось многое в дальнейшем ходе как всей моей жизни, так и в направлении обсуждения тарифа, потому что цельность плана была только тут (т.е. только в докладе Менделеева)...» И сразу к Дмитрию Ивановичу потянулись всякие единомышленники, о которых он пишет скромно, но достойно: «С. Ю. Витте сразу стал моим союзником, за ним перешли многие другие».

Как вам сказать, повышение таможенного тарифа в таких объёмах — это не предложение дружбы. Это, если не начало экономической войны, то ультиматум, требующий от Германии уступок.

2. План русского таможенного возмездия начал реализовываться. Мы надеялись, что Германия пойдёт на уступки, мы считали такое повышение тарифов временным, мы очень зависели от германского фактора, который во многом определял наше положение на мировом рынке. Сравнительные цифры я уже приводил — там всё понятно без слов.
3. Германия на уступки не идёт, Вышнеградский пишет царю «В товарообмене между Россией и Германией все преимущества находятся на стороне последней». Меры, проводимые Германией: «исключительно колебавшие доверие к нашему финансовому положению, повлекли за собой падение вексельного курса».
4. Потерпев неудачу в экономическом давлении на Германию, Россия в год принятия протекционистского тарифа вступает в военный союз с Францией.

Этап номер три.

1. Германский ответ на русские тарифные демонстрации последовал мгновенно. 1 февраля 1892 года вступили в силу договоры Германии с Австро-Венгрией, Бельгией, Италией, Швейцарией. Этим странам Германия пошлины на зерно снизила. Швейцарии снизила, России — нет.

2. Аналогичное понижение пошлин (а некоторым странам вообще было предоставлено право беспошлинного экспорта) Германия допустила для Швеции, Норвегии, Дании, Нидерландов, Греции, Турции, Мексики, Аргентины. И внимание! Внимание! Снижение пошлин было сделано для Англии, Франции, США, Сербии. Но не для России. Таможенные льготы получили Испания и Румыния! Но не Россия! Колониальные владения Франции, Испании, Португалии, Голландии, Бельгии получили немецкие льготы на ввоз сельхозсырья. Конго получила, Индонезия, Кюрасао, Вьетнам! Но не Россия!
3. Прижав к груди доклад Менделеева, Россия оказалась вообще вне германских внешнеэкономических соглашений. Между Германией и Россией вообще не стало никакого торгового договора.

Вот начало русско – германской войны.

Что называется, фактической, холодной, бескровной и беспощадной.

Этап номер четыре.

1. Германия повышает пошлины на ввоз русского зерна ещё раз. Теперь пошлина равняется, по данным Минфина России, 100 процентам стоимости русского хлеба в местах его производства.
2. Россия полностью была выбита с германского продовольственного рынка как серьёзный игрок. В 1893 году вывоз ржи упал с 50562 тыс. пудов (1891 год) до 13656 тыс. пудов. За один год экспорт русской пшеницы упал с 54318 тыс. пудов до 42210 тыс. пудов.
Рынок Германии поделили США, Аргентина, Румыния, Сербия и Болгария. Две заокеанские фантамогории, два потенциальных сателлита и Сербия. Т.е. две заведомо нейтральные страны (в случае войны), две фактические союзницы и Сербия. Свой план автономного снабжения продовольствием, вытеснения потенциального противника и т.п. Германия выполнила полностью и в сжатые сроки.
3. После этого всего, бои приняли затяжной характер. Россия закрыла для германских товаров Финляндию, Россия увеличила ластовый сбор с германских судов за причал в русских гаваней - с 5 копеек до рубля. Немцы подняли таможенные пошлины на русские товары (все русские товары) до 50 процентов их стоимости.

Всё сгладила несколько русско – немецкая торговая конвенция и русско – германский торговый договор, заключённый сразу после поражения России в войне с Японией. Уступки со стороны Германии были минимальны. Через год после русско – германского торгового соглашения, Россия скрепя сердцем вступила в союзнические отношения с Великобританией. Её утолкали. Недомодернизированную, с гигантскими проблемами, с неэффективной системой управления, её запихнули на весь этот «Титаник», в третий класс, без шансов.

Мирное сосуществование на равноправных условиях Германской и Русской империй оказалось невозможным. Времена такие пришли, что суперхищники уничтожали хищников, прекрасная эпоха 1875 – 1914 годов заканчивалась навсегда.

30 июля 1914 года (Франция не объявляла даже всеобщей мобилизации, а, напротив отодвинула свои войска от границы на 10 км, послав нам телеграмму «крепить мир». Берлин предложил Великобритании оставаться нейтральной, если Германия не будет нападать на Францию, а ударит только по России. Британское правительство с гневом отбросило германские условия как бесчестие! «Мы не могли бы обсуждать даже и сделку за счёт Бельгии», не то, что за счёт наших остальных замечательных союзников.

1 августа (в день объявления войны Германией России) министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грей вызвал посла Германии в Лондоне Карла Лихновского и предложил следующее: Англия сохраняет нейтралитет, если Германия пообещает не нападать на Францию, а нападёт только на Россию.

Этот шаг Грея в Берлине встретили в положении полуприседа от радости и неверия в собственное счастье. Многие ведь до сих пор не верят в то, что у России был реальный шанс остаться один на один с врагами. Франция ведь тоже ожидала нападения на себя, она не хотела объявлять войну Германии и Австрии из-за русско-германских противоречий. А по плану Грея всё выходило чудесно. Россия уже воюет. Франция только мобилизуется, Германия даёт гарантии ненападения на Францию, Англия объявляет о своём торжественном нейтралитете. Немцы и австрийцы раскатывают Российскую империю, используя германские силы, забронированные на западе, перебросив их на восток.

Кайзер был в восторге! Франц-Иосиф, проинформированный из Берлина об инициативе Лондона, тоже взбодрился до крайности. Петербург несколько растерянно молчал. Франция в лице своего посла Камбонга ограничилась указанием на то, что в случае победы над Россией, усилившаяся Германия всё равно нападёт на Францию и тогда Лондон будет ждать (будет ждать, да) возмездие от победившей Германии или победившей Франции. Что там за возмездие посол не уточнял. Понятно, что никакого возмездия от двух обескровленных государств Британии не грозило бы минимум лет десять.

Повторю — Франция не собиралась сама начинать войну с Германией из-за русско – австрийско – германских проти-

воречий. Франции нужно было нападение Германии или на неё саму, или на Бельгию. Англия предложила решить вопрос за счёт перенаправления сил рейхсвера на восток, сохранения нейтралитета Бельгии и, соответственно, своего полного невмешательства.

Так всё удачно!

Как всегда, свою чудесную партию на ударных сыграли немецкие военные. Они изловили радующегося кайзера и объяснили, тыча пальцами, что по плану (по немецкому, самому лучшему плану на свете) первый удар должен быть нанесён по Франции с обязательным вторжением в нейтральную Бельгию. Иначе, говорили генералы, это что за война такая получается? Не на два фронта, без нарушения международных норм, неинтересная война будет! Плюс нам план придётся переделывать. Мольтке-младший даже пригрозил кайзеру своей отставкой, считая что день перемены плана войны будет гибельным для Германии. Немецкие генштабисты гурьбой носились за германскими полтиками (некоторые политики даже думали прятаться от генералов), тряся папками и выкладками. План-то под угрозой! Такие сцены мы можем легко представить, посмотрев советские фильмы про сдачу цементного завода под Новый год с обязательным актёром Ульяновым в главной роли. «Ты мне рыцарский крест на стол положишь! Если хоть на день план сдвинешь! Понял, Федосеев, твою мать?!»

С тяжёлым сердцем Берлин ответил отказом на предложение Лондона. Немцы, потупясь, сказали, что всё же будут нападать на Францию, что нет сил удержать это естественное желание, лежит, такая розовая, такая вся в истоме, на берегу Сены, как не напасть зольдату на такое великолепие?! И на Бельгию нападут! Потому, что по плану!

Грей получил отказ из Берлина, собрал всех членов кабинета на уик-энд и сообщил, что воевать, наверное, придётся. Пригласили на встречу членов британского парламента, готовых голосовать за войну (их не было большинство). Члены парламента готовы были начать душить Грея прямо в кабинете, но тут на открытии сессии парламента в зал вошёл неприметный человек и сообщил, что германские войска только что вторглись в «маленькую, бедную, обиженную Бельгию». 3 августа британский кабинет решил объявить войну Германии, используя мотив (подчеркну) защиты Бельгии (не выполнение союзнических обязательств перед Россией, а защи-

ту крошки — Бельгии). Три министра британского правительства немедленно вышли в отставку в знак протеста против такой несправедливой войны. 3го августа в Берлин послали ультиматум британской стороны. Что было в британском ультиматуме? Требование прекращения войны с Россией, требование гарантий для Франции? Нет. В ультиматуме было требование соблюдать нейтралитет Бельгии. И всё. На этот sentimentalный ультиматум Германия даже не ответила, потому что у немцев был всемогущий и жестокий план! И только 4 августа Грей отправил в германское посольство письмо о том, что Великобритания находится в состоянии войны с Германией. Понимаете, письмо он послал, ладно под дверь не подсунул. Никаких нот, никаких волнующихся и плачущих послов (как было у нас между Сазоновым и Пурталесом). Письмо направил, расстроенный был.

Вот с такими союзниками мы поехали бить городских.

Как мы все прекрасно знаем, одной из самых удачных финансовых операций Российского государства была отмена крепостного права в 1861 году.

Не затратив ни рубля, российское правительство получило 700 миллионов рублей чистого финансового выигрыша. Странно, что люди, обожающие свободу во всех её проявлениях, не используют лозунг о том, что освобождение — это государственная выгода. Странно, что люди, свободу во всех её проявлениях не обожающие, не используют лозунг, что свобода — это затратно и невыгодно.

Вооружимся, наконец, счётами.

19 февраля 1861 года началось освобождение частновладельческих крестьян. Великая реформа. В ходе этой реформы правительство выплатило помещикам стоимость переданной освобождённым крестьянам земли. Оценили эту переданную крестьянам землю в 1 миллиард 218 миллионов рублей. Потом чиновники (которые сами в значительной части не из помещиков происходили) вычли из этой, в целом, огромной суммы задолженность помещиков государственным кредитным учреждениям. Так заминусовали 316 миллионов рублей. И помещики должны были получить «на руки» за землю, переданную крестьянам — 902 миллиона. Тоже неплохо и несколько даже радостно. Но государственные люди подумали и решили, что помещики столько «живых денег» не осият — это вредно столько наличности на руках держать человеку непривычному. Поэтому урезанная до 902 миллионов рублей сумма выдавалась помещикам не деньгами. А специальными ценными бумагами (5%-ми выкупными свидетельствами). И естественно, что бумаги, выброшенные правительством в оборот, а помещиками — на рынок, оценивались первоначально ниже номинальной стоимости, примерно процентов на 20-ть ниже.

Внук, сын помещиков, сам помещик, брат первого в России изготовителя бормотухи «ярославской фабрикации», которой спаивают несчастного Карандышева в «Бесприданице», великий поэт Н. А. Некрасов, когда писал вот это:

Повалась цепь великая,
Повалась — расскочилась:
Одним концом по барину,

Другим по мужику!

он ведь писал кровью сердца своего.

И его можно понять. Как ударила реформа по крестьянам — это, в принципе, понятно: русский крестьянин за вековое своё состояние привык к неволе, свободу ценил не очень высоко, так как не очень понимал, что это такое, а вот землю, единственный источник существования для большинства селян, ценил очень. И деньги ценил. А вот барин, он что потерял? Представить себе это тоже просто: приходят к москвичу люди из мэрии и говорят, что квартиры на набережных, доставшиеся от дедушек с бабушками, и которые москвич сдаёт иногородним менеджерам, теперь будут частью уже и не его, что деньги он за это получит, но потом, наверное. А пока москвич получит на руки бумагу очень ценную, которую, если сможет, продаст по рыночной стоимости, которая, правда, ниже номинала, но не беда. И потом 5 процентов личностно-зависимых крестьян составляли обслуживающий персонал помещиков, это же целый сектор услуг самого разного свойства: от дизайна, транспорта и развлечений до финансового личного менеджмента. И теперь за весь спектр услуг надо платить, а то останешься только с Фирсом образца финала «Вишнёвого сада», с таким дизайнером и шофёром не зашикуешь.

Получив на руки за часть своей земли ценные бумаги вместо денег, помещики пережили, как пишет князь Мещерский, историческую по интересу минуту. Большинство кинулось продавать свои выкупные ценные бумаги, теряя при продаже от 18 до 24 процентов номинальной стоимости. Тут я обращаю ваше внимание, что цену земли, из которой рассчитывалась номинальная стоимость выкупного свидетельства, назначал не сам хозяин, а справедливое государство, исходя из «статистики». Видя такое дело, большинство помещичьего дворянства решило не дожидаться ничего хорошего, сделать экономическую ставку на земельный фонд, оставшийся в их распоряжении (к концу 19 века помещики в России владели территорией размером с Францию), а ценные бумаги за землю, преданную крестьянству «вложить с умом». В русской традиции это может означать что угодно. Я знаю огромное количество людей, которые в 90-е годы с умом вкладывали деньги в видеомэгнитофон и шубу для жены, называли это вложением денег вполне серьёзно. Как вспоминает тот же князь Мещерский «была блестящая эта эпоха выкупных свидетельств. В каждую семью, в каждый дом сваливались с неба крупные

тысячные суммы...и вот эти-то выкупные продавались и превращались в капиталы, на которые одни бросились в заграничные поездки, а другие стали жить очень роскошно в Петербурге и в Москве...Только меньшая часть тогда владельцев выкупных, ввиду низкой их цены, решила выждать повышения цен; большая же часть с изумительной лёгкостью бросилась их реализовывать...»

Правительство, конечно, некоторое время, например, раздувая известия о крестьянских беспорядках, активно играло на понижение курса «выкупных 5%».

Но не забывало правительство и об освобождённом крестьянстве. Общая сумма выкупных платежей, полученная правительством с бывших помещичьих крестьян с 1861 года по 1906 год оставила 1 миллиард 600 миллионов рублей. Как я уже писал вся эта чудесная сумма попала правительству в любящие руки при условии, что эти любящие руки не вложили копейки в проведение освобождения частновладельческого крестьянства. А ведь помимо выкупных денег с крестьян (с крестьян решили брать деньгами живыми, решили, что, если крестьяне начнут выпускать свои ценные бумаги, то будет как-то не интересно), государство сохранило чрезвычайно серьёзное налогообложение села. В совокупности, с деревни правительство получало налоги, в три раза превосходящие в совокупности налоги со всех отраслей промышленности. Только в 1901 году сумма прямых налогов с наделных крестьянских земель составила 284 миллиона да и 300 тыс. рублей в довесок.

Какие там евреи – кровососы?! Правительство и без них отлично справлялось с финансовым доением мужичка. Да и дворянское вымя правительство щупало тоже весьма дерзко.

Конечно, наделы у крестьян после освобождения оказались маленькие. На таких наделах товарное производство не наладишь. Поэтому крестьяне были вынуждены арендовать землю, оставшуюся в собственности у помещиков. Уже после всех этих столыпинских нововведений, в 1914 году 80% всех посевов сельскохозяйственных культур принадлежали крестьянам, но посевы эти в подавляющей значительностью степени происходили на помещичьей земле, арендованной крестьянами у владельцев на условиях, которые министерство финансов империи жалостливо называло «крайне тяжёлыми». Такой вот аграрный вопрос встал перед крестьянством. Что ж нам делать, православные? Куда податься?

Очень многие любители «жизни за царя» указывают мне на

рост валового сбора хлеба и рост хлебного экспорта. Вот, мол, смотри, как деревня при царе – батюшке заиграто жила! Аргументация у таких людей серьёзная. К середине 90-х годов 19 века сбор хлеба вырос в сравнении с 70-ми годами 19 века на 44% (2,6 миллиардов пудов в сравнении с 1,8 миллиарда пудов). С начала 1880 до конца 1890-х экспорт зерновых повысился в два с половиной раза и перешагнул планку в 500 миллионов пудов. К 1913 г. валовый сбор зерна вырос до 5 миллиардов пудов, а экспорт зерна вылился в 650 миллионов пудов. Рекорд Россия поставила в 1910 году, вывезя 847 миллионов пудов хлеба за границу.

Что я могу ответить на это? Немногое.

1. Рост показателей обеспечивался в значительной степени перемещением (колонизацией) зернового производства из России центральной на перефирию, где русской деревни в её классическом понимании не было. Крестьяне устремлялись сначала почти хаотически, потом уже почти централизованно на свободные земли, связанные с окружающим миром, с Россией центральной, с обычаями, укладом и ограничениями, торговыми ветками специальных железных дорог как частных, так и всё более и более казённых.
2. Естественный прогресс в сельском хозяйстве был, чего тут скрывать. Но прогресс этот надо сравнивать. К началу 20 века среднегодовая урожайность ржи в крестьянских хозяйствах составляла 53 пуда с десятины, в Германии — 104 пуда с десятины. Урожайность пшеницы — 59 пудов с десятины для России и 126 пудов для Германии. Бельгия смотрела на это негласное соревнование, сидя на среднегодовой урожайности ржи в 142 пуда с десятины, а урожайность пшеницы в Бельгии была 153 пуда с десятины.
3. Что же происходило с хлебушком под благодетельным имперским солнышком в России? Как его потребляли русские? Немного они его потребляли. В начале 20 века Россия могла себе позволить в год 22,4 пуда хлеба на душу населения, Германия — 24 пуда, Дания — 50 пудов. И мы должны ещё учесть, что каждый второй — третий год в России был неурожайным и норма потребления падала до 16 пудов на душу. По экономическим показателям, по медицинским показателям (учитывая крестьянский рацион) это был критический уровень. Чтобы не было тайны — тароватая, обильная Россия, румянощёкая красавица с косой толщиной в руку, славящая в песнях своих великую Российскую империю находи-

лась на одном из последних мест в Европе по уровню потребления простого хлеба. Мы гордо опережали лишь Румынию и ещё несколько стран предрумынского состояния. При полусытости своей, при своём полуголоде Россия экспортировала 11,6% хлебного сбора в 80-е годы 19 века, США при высокой норме потребления населением вывозила 8%. Посланник США в России Смит в 1891 году писал, что Россия искусственно стимулирует у себя экспорт, уступая многим странам в производстве зерна. В этом Смит видел секрет пребывания России в состоянии «почти хронического голода».

4. Радетели империи! Россия вывозила свой хлеб не из-за благоденствия своего, не из-за высокого уровня сельскохозяйственного производства, а из-за экономической слабости крестьянских хозяйств. Крестьяне были вынуждены продавать свой урожай без стратегического остатка, без понимания конъюнктуры рынка, продавать вслепую, второпях, неграмотно армии «хлебных жуков», нацеленных на скорейшее получение прибыли без долговременных вложений в сельское хозяйство. Этими «хлебными жуками» были не только какие-то там аферисты, не только хлебные миллионеры, опухшие от безнаказанности, но и, внимание, такие учреждения, которым вообще не очень свойственно заниматься подобными вещами. Основными игроками на рынке выкручивания слабых крестьянских рук были банки. Прямая деятельность иностранных банков в России по российскому законодательству была запрещена. Поэтому на русской деревне грелись свои же. Русско – Азиатский, Азовско – Донской, Петербургский международный, Русский для внешней торговли банк, Русский Торгово – Промышленный банк. Не оставался в стороне и сам Государственный банк Российской империи, который выступал ещё как и самый сильный коммерческий имперский банк. Когда банки занимаются хлебной спекуляцией, банки не заинтересованы в создании крупных капиталистических аграрных хозяйств, для спекуляций банкам нужна была Россия в аграрном смысле полуоформившаяся, которой можно платить не столько, сколько можно или нужно, а сколько хочется. Как на дискотеке в ночном клубе «Огонёк». В Европе банки хлебным бизнесом не промышляли. Исключение, выгодно оттеняющее деятельность российского банковского капитала — это Колониальный Банк Великобритании, деятельность которого в колониях была аналогичной деятельности российских банков в России. И конечно, активно играли на

рынке скупки продовольствия банки Индии и некоторых латиноамериканских стран.

А поиграть банкам России было с чем. С одной стороны, нищая, вынужденная продавать хоть как-то своё зерно деревня, с другой стороны суммарный основной капитал коммерческих банков в России увеличивался с 236 млн. рублей до 561 млн. рублей только за три года (с 1910 по 1913 гг). Естественно, что операции на хлебном рынке были не основным занятием банков, но раз есть такая возможность, что ж не вложиться-то, не посбивать цены на внутреннем рынке, расталкивая прочих?

А крестьянин что? Он свободный! Хочет прыгает на своём клочке земли, хочет берёт землю в аренду у барина из Парижа (платит деньгами или «отработкой»), хочет бредёт в степи, чтобы на чернозёме начинать жизнь заново, хочет в город идёт, хочет граммофон у трактира слушает. Вяльцеву или даже Шаляпина. Если повезёт и будет урожай, то крестьянин никуда его продавать поехать не сможет, т.е. поедет, конечно, но не на биржу же зерновую, не фьючерсами бомбиться, а приедет он в ближайший уездный город и продаст там ловкому человеку – агенту в блестящей жилетке весь свой урожай, оставив на пропитание чуть-чуть. Крестьянину ведь, как это не удивительно, деньги нужны. И не только на водку. Ему, например, нужны орудия сельхозпроизводства.

5. Уровень механизации сельского хозяйства России (соотношение машин, механизмов, с одной стороны и «живой» рабсилы — крестьянин плюс лошадь — с другой) накануне Первой мировой составлял 24%. В Англии механизация аграрного сектора составляла 152%. В Германии — 189%. В США — 420%. И при этом вот чуде живого ковыряния живой земли, по данным самого Петра Аркадьевича Столыпина, расходы государства на сельхозпомощь населению (покупка парового сепаратора или веялок - это же для деревни было как в космос слетать, без помощи никак) достигали: в Норвегии и Венгрии — 2 рубля на десятину посевной площади, в Пруссии — 1 руб. 33 коп., в Бельгии — 1 рубль, в Европейской России, стоящей в аграрном отношении где-то очень там, глубоко внизу, православное государство вкладывало в модернизацию и поддержку русского крестьянского хозяйства - 9 (девять прописью) копеек на тощую десятину.

Так процветала империя Романовых, имея в фундаменте 80 процентов недоедающего недоброго населения.

Но деревню разорили, конечно, большевики с Лениным – Сталиным.

А ещё это мой ответ на постоянно слышащиеся полужалобы – полухвалыбы про какую-то дикую «русскую лень». Русская лень, о которой столько написано — это обычное отчаяние, явственное понимание крестьянским крепким умом отсутствия перспектив, в головах ведь не только разруха, там ещё и пауперизация отлично себя может чувствовать. Вот возьмите кредитов на жильё, снимая квартиру для семьи, подсчитайте свои возможности и перспективы, череду дальнейших лет за копейки, а я мимо проеду на своём «БМВ» и расскажу вам, какие вы ленивые да убогие, раз на пятую работу не устроились, в съёмной хате своими силами финский паркет не укладываете.